

**ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ В ПОГРЕБАЛЬНЫХ
КОМПЛЕКСАХ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
Специфика распространения и социальный контекст**

Н.Н. СЕРЕГИН

*Алтайский государственный университет
e-mail: nikolay-seregin@mail.ru*

Введение

Ярким периодом в истории Центральной Азии является раннее средневековье. Во второй половине I тыс. н.э. произошло становление, развитие и крушение целого ряда кочевых империй. Процесс создания держав номадов, как правило, сопровождался активной экспансией, причем не только на сопредельные районы, но и на достаточно отдаленные территории. Особого успеха в этом достигли раннесредневековые тюрки, основавшие несколько крупнейших, хоть и недолговечных империй, границы которых простирались в разное время далеко за пределы центрально-азиатского региона. Важной составляющей военной машины кочевников рассматриваемой общности был эффективный комплекс вооружения. В работах отечественных исследователей подробно рассмотрены различные категории оружия, а также специфика его развития на различных территориях (Худяков 1986: 137–169; 2007; Овчинникова 1990: 65–86; Горбунов 2003, 2006; и др.). Гораздо более фрагментарно представлены вопросы, связанные с реконструкцией значимости предметов вооружения в представлениях раннесредневековых тюрков. Известно, что начиная с древности оружие, помимо своей боевой функции, начинает выполнять знаковую роль, становясь показателем статуса в воинской иерархии (Худяков 1997: 63). Особенно это характерно для милитаризованных обществ кочевников, где почти каждый мужчина являлся воином. По мнению некоторых исследователей, у раннесредневековых номадов произошло формирование культа воина-героя, нашедшего выражение в эпосе, создании «поминальных» памятников и др. (Васютин 2006). Поэтому изучение статуса предметов вооружения в обществе тюрков имеет большое значение для целостной реконструкции культуры номадов в целом.

Историография

Некоторые наблюдения о значимости предметов вооружения в обществе раннесредневековых тюрков Центральной Азии представлены в работах

отечественных исследователей. А.Д. Грач (1980: 76), отметив редкость случаев обнаружения клинкового оружия и копий в погребениях кочевников, предположил, что это может объясняться особенностями ритуальной практики, в частности запретом на помещение таких вещей в могилу. По мнению В.А. Могильникова (1997: 206), такая ситуация связана не только со спецификой обряда раннесредневековых тюрок, но и с большой ценностью мечей, клавшихся только в погребения наиболее знатных воинов.

Детальное изучение особенностей распространения предметов вооружения в погребальных и «поминальных» комплексах раннесредневековых тюрок Алтая осуществлено В.В. Горбуновым (2007: 86). В русле тематики настоящей статьи интерес представляет опыт исследователя по выделению семи групп объектов, причем основным критерием для этого стала насыщенность памятников разными категориями оружия при учете общего состава сопроводительного инвентаря. Результаты анализа материалов раскопок археологических комплексов Алтая были дополнены сведениями письменных источников. Это позволило В.В. Горбунову (2007: 88) соотнести выделенные группы с основными уровнями военной иерархии кочевников. Развернутая характеристика организации войска раннесредневековых тюрок Центральной Азии осуществлялась Ю.С. Худяковым (1986, 2007), однако, главным образом, на основе анализа письменных источников.

Отдельные замечания о социальной значимости предметов вооружения из погребений раннесредневековых тюрок, исследованных на различных территориях, представлены в работах многих авторов (Худяков 1986: 152; Овчинникова 1990: 83; Кубарев 1992: 32; Кубарев 2005: 99; и др.). Однако специального исследования, основанного на комплексном анализе всех групп источников и направленного на реконструкцию значения предметов вооружения как социального показателя в обществе кочевников, не предпринималось. В настоящей работе представлен опыт решения ряда вопросов в указанном направлении.

Предметы вооружения в погребальном обряде раннесредневековых тюрок

Основным источником для реконструкции знаковой роли предметов вооружения в обществе раннесредневековых тюрок Центральной Азии являются материалы исследования археологических памятников. На отдельных этапах работы перспективным представляется привлечение результатов изучения «поминальных» памятников, главным образом, каменных изваяний, а также наскальных изображений. При этом наиболее информативными являются материалы раскопок погребальных комплексов, анализ которых позволяет рассматривать различные аспекты общественного устройства кочевников. Поэтому прежде чем перейти к определению социальной значимости предметов вооружения в представлениях раннесредневековых тюрок необходимо детально исследовать

особенности использования таких изделий в обрядовой практике номадов, а также представить специфику распространения конкретных групп находок.

На сегодняшний день основная масса погребений тюркской культуры (более 300) исследована на территории Саяно-Алтая. Памятники, раскопанные в этом регионе, наиболее полно отражают культуру данной общности, и именно они составили источниковую базу настоящего исследования. Кроме того, для сравнения привлекались синхронные материалы, полученные в ходе работ на сопредельных территориях (Монголия, Кыргызстан, Казахстан и др.). Для исследования значимости предметов вооружения в погребальном обряде раннесредневековых кочевников нами была сформирована специальная выборка, составившая 204 погребения тюркской культуры, раскопанных на Алтае (95 объектов), в Туве (48 объектов) и Минусинской котловине (61 объект). Основными факторами в ходе отбора памятников из общего количества известных на сегодняшний день могил стали степень сохранности комплекса, а также возможность определения пола умершего, что является необходимым условием для полноценного исследования в указанном направлении. К сожалению, количество антропологических определений материалов из погребений тюркской культуры Саяно-Алтая, несмотря на наличие специальных работ (Алексеев 1960; Богданова 1980; Поздняков 2006), весьма незначительно. В связи с этим формирование выборки для последующего анализа происходило следующим образом. На первом этапе было осуществлено изучение погребений, для которых имеется антропологическое определение пола умершего. Результатом стало выделение устойчивых признаков обряда, характерных для мужских и женских могил. Далее на основе полученных данных из общего количества раскопанных объектов тюркской культуры Саяно-Алтая были обозначены погребения, материалы которых содержат такие устойчивые сочетания показателей, позволяющие определить пол умершего человека. При этом учитывались только не ограбленные погребения, а также частично потревоженные объекты, по которым сохранилась информация, достаточная для последующего анализа. В итоге выделены 133 могилы, определенные как мужские, 40 женских захоронений и 31 детское.

Для выявления и конкретизации закономерностей распространения предметов вооружения был проведен статистический анализ, который позволил обозначить встречаемость конкретных находок в захоронениях лиц обоих полов, а также в детских могилах (Таблица 1). В составе предметов вооружения выделены следующие группы изделий: 1) лук; 2) железные наконечники стрел; 3) клинковое оружие (боевой нож, кинжал, меч); 4) топор; 5) копьё; 6) доспех.

Оружие зафиксировано в абсолютном большинстве мужских погребений – 124 (93,23%) объекта (Рис. 1). Оно отсутствовало только в 9 (6,76%) могилах. Наиболее распространенными в памятниках тюркской культуры были предметы вооружения дистанционного боя. Остатки лука и железных наконечников стрел

зафиксированы, соответственно, в 84 (63,15%) и 105 (78,94%) могилах. Менее частыми являются находки оружия ближнего боя и таранного удара, а также защитного доспеха. Боевые ножи, кинжалы и мечи обнаружены в 34 (25,56%) погребениях (Рис. 2.-1–6, 10–13). Гораздо реже встречены топор (Рис. 2.-7–9) и копье (Рис. 3.-4–6), зафиксированные в четырех (3%) и пяти (3,75%) мужских могилах. Всего шесть раз (4,5%) отмечено присутствие в погребении или кенотафе фрагментов доспеха (Рис. 3.-1–3).

Таблица 1. Распространение предметов вооружения в погребениях раннесредневековых тюрок Саяно-Алтая

Категория предметов вооружения	Мужские погребения 133 (100%) погребения	Женские погребения 40 (100%) погребений	Детские погребения 31 (100%) погребение
Лук	84 (63,15%)	-	-
Наконечники стрел	105 (78,94%)	-	3 (9,67%)
Клинковое оружие	34 (25,56%)	2 (5%)	-
Топор	4 (3%)	-	-
Копье	5 (3,75%)	-	-
Защитное вооружение	6 (4,5%)	-	-

Насыщенность захоронения предметами вооружения определялась, главным образом, не возрастом, а заслугами и профессиональным статусом умершего воина. К примеру, в ряде случаев в могилах молодых людей 16–20 лет зафиксировано несколько различных категорий рассматриваемых предметов (Кубарев 1992; Могильников 1997). Не исключено некоторое снижение статуса пожилых (более 55 лет) мужчин, что нашло отражение в сокращении количества обозначенных вещей, отсутствии оружия ближнего боя и др. (Комарова 1973: 208; Кирюшин и др., 2005). С другой стороны, то, что предметы вооружения зафиксированы в ряде погребений лиц обозначенной возрастной группы (Гаврилова 1965: 66–67; Нестеров, Худяков 1979: 88–90), свидетельствует о сохранении ими определенного статуса.

Предметы вооружения, а именно кинжалы, зафиксированы только в двух (5%) женских погребениях тюркской культуры, раскопанных на территории Саяно-Алтая. В трех детских могилах обнаружены железные наконечники стрел. Таким образом, наличие оружия в захоронении является одним из существенных показателей половой и возрастной принадлежности умерших.

Важным показателем погребального обряда раннесредневековых тюрок являлось расположение предметов вооружения в могиле. Изучение данного элемента ритуала позволяет рассматривать вопросы, связанные со значимостью конкретных вещей в представлениях людей, реконструировать специфику

использования изделий, определять особенности этнографического облика погребенных и т.д. Многие памятники рассматриваемой общности кочевников ограблены или разрушены, результаты полевого исследования ряда комплексов опубликованы лишь частично. Поэтому количество случаев достоверной фиксации места расположения предметов вооружения различно для конкретных категорий изделий. Вместе с тем, имеющейся информации оказалось достаточно для выявления основных традиций, существовавших у номадов Саяно-Алтая раннего средневековья.

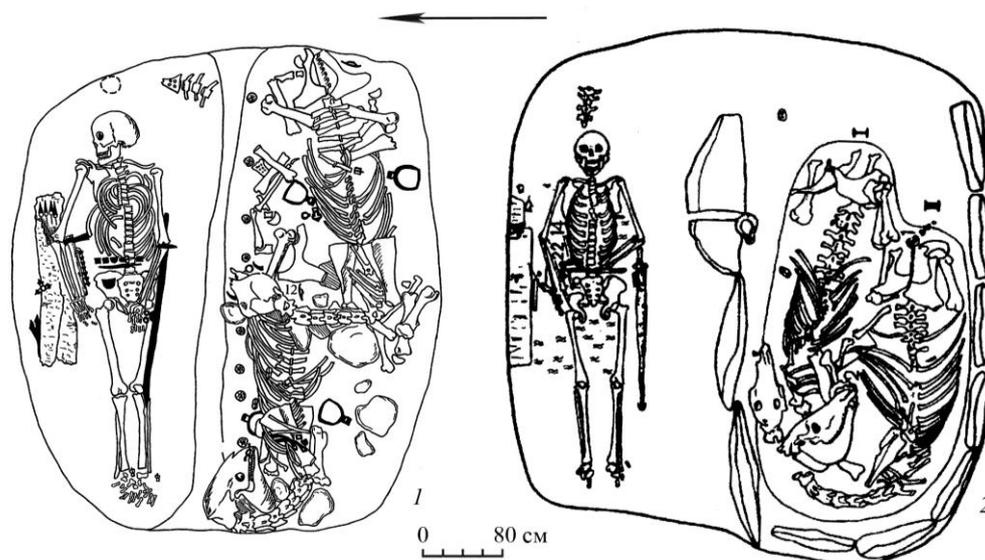

Рис. 1. Погребения воинов тюркской культуры
(по: 1 – Кубарев Г.В., 2005, табл. 59; 2 – Могильников В.А., 1997, рис. 2)

Одним из наиболее распространенных предметов в рамках обозначенной категории находок был лук, представленный в раннесредневековых захоронениях Саяно-Алтая роговыми накладками. Место их размещения зафиксировано для 49 могил. Судя по выявленным тенденциям, лук чаще всего располагался справа от умершего человека, либо на правой части скелета – 31 случай (63,26%). Слева рассматриваемый предмет вооружения помещен только в 10 (20,4%) могилах. Кроме того, отмечено его расположение сверху, на умершем человеке – 5 (10,2%), а также на костяке лошади, сопровождавшей погребенного воина – 3 (6,12%). Интересно, что последняя из отмеченных ситуаций зафиксирована только в материалах раскопок на могильнике Белый Яр-II в Минусинской котловине (Поселянин и др., 1999: 89–90, 94). Вероятно, это отражает локальные традиции ритуала, характерные для населения, оставившего некрополь. Судя по расположению лука, он мог быть приторочен к седлу лошади.

Нередко рядом с роговыми накладками находились сохранившиеся остатки берестяного колчана. Точное их расположение отмечено в ходе исследования 51 погребения тюркской культуры Саяно-Алтая. Так же, как и лук, колчан чаще всего

ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ В ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСАХ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

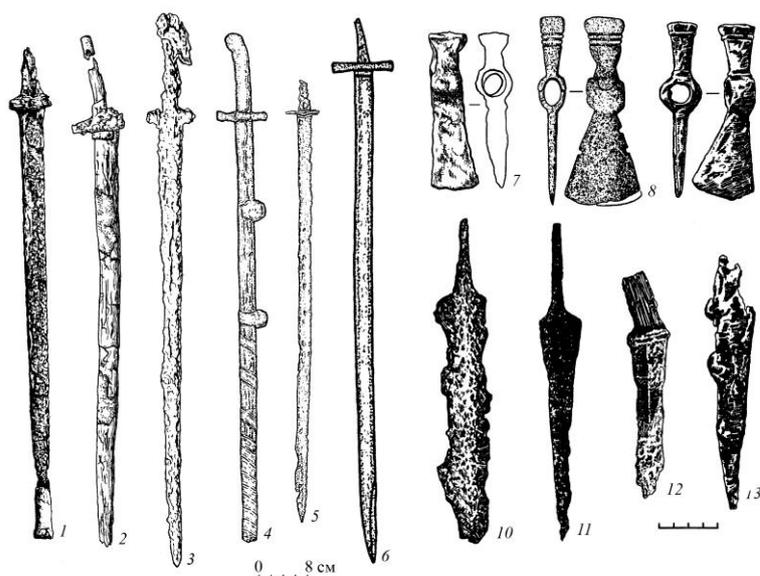

Рис. 2. Предметы вооружения из памятников раннесредневековых тюрок

(по: 1 – Могильников 1997: рис. 3.-6; 2 – Кубарев 2005: табл. 117.-1; 3 – Овчинникова 1982: рис. 3.-21; 4 – Худяков 2004: рис. 48.-1; 5 – Кубарев 2005: табл. 63.-1; 6 – Худяков и др. 1996: рис. 1.-1; 7 – Кубарев 2005: табл. 62.-13; 8 – Горбунов 2006: рис. 69.-1; 9 – Гаврилова 1965: рис. 9.-11; 10 – Мамадаков, Горбунов 1997: рис. VII.-16; 11 – Евтюхова, Киселев 1941: рис. 18; 12 – Тишкин, Горбунов 2003: рис. 4.-1; 13 – Гаврилова 1965: табл. XXIV.-10).

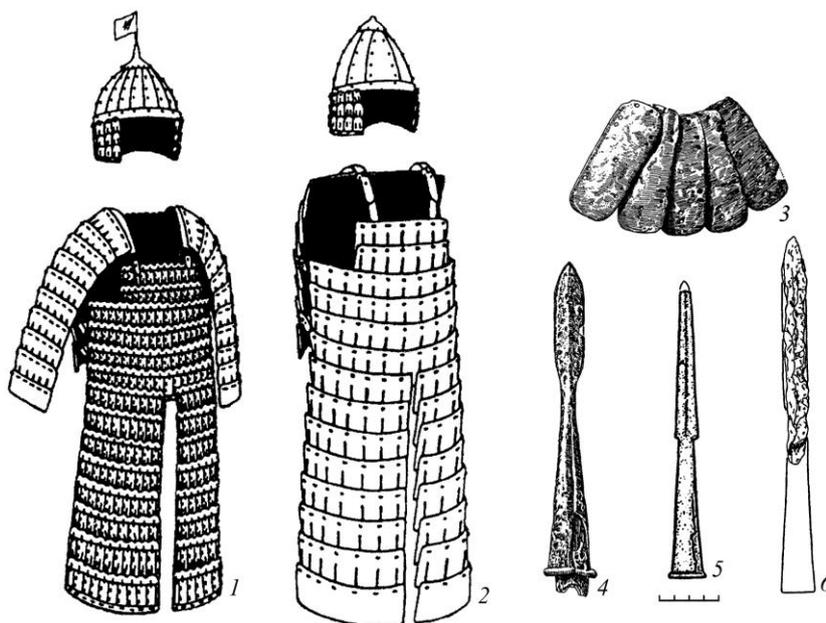

Рис. 3. Предметы вооружения и защитного снаряжения из памятников раннесредневековых тюрок

(по: 1, 2 – Горбунов 2003: рис. 60; 3 – Гаврилова 1965: табл. V.-1; 4-6 – Горбунов 2006: рис. 42.-5-7).

был помещен справа от умершего человека, либо на правой части скелета – 26 случаев (50,98%). Слева от погребенного рассматриваемый предмет воинского снаряжения располагался в 11 (21,56%) могилах. Столь же часто колчан находился сверху, на груди умершего воина. В одном случае он был помещен «в ногах» погребенного. Наконец, дважды отмечена традиция, связанная с помещением колчана в районе седла лошади. Так же, как и при рассмотрении традиций расположения лука, данная ситуация зафиксирована только на памятнике Белый Яр-II (Поселянин и др 1999: 90, 94).

Гораздо менее распространенной группой находок было клинковое оружие. Расположение меча в погребении зафиксировано в 10 случаях. Преобладающим являлось помещение таких предметов слева от человека или на левой части скелета – 7 (70%). Судя по всему, это отражает традиционный способ ношения «под правую руку». При этом в ряде случаев меч находился не в районе пояса умершего человека, а был положен рядом. В двух захоронениях тюркской культуры зафиксировано помещение рассматриваемого изделия справа от погребенного, и однажды – сверху, на скелете. Другие тенденции отмечены для кинжалов, место расположения которых зафиксировано для 6 могил. Чаще всего такие предметы вооружения находились справа на поясе умершего человека – 3 (50%) случая. Однажды кинжал был помещен слева. Интерес представляет зафиксированное дважды обнаружение рассматриваемого оружия у черепа погребенного. Вероятно, это связано с расположением кинжалов рядом с жертвенной пищей. Отметим, что последняя из описанных ситуаций зафиксирована при исследовании погребений, которые по ряду признаков (наличие зеркала, пряслица, гребня и др.) отличаются от «стандартных» мужских захоронений и, возможно, принадлежат женщинам. Дополнительным подтверждением этому являются материалы раскопок женского погребения на территории Монголии, в котором кинжал находился за головой умершей, рядом с остатками жертвенной пищи (Цэвэндорж и др. 2008: рис. 8). Вероятно, такое расположение обозначенной категории находок отражает использование их не в качестве оружия, а скорее как бытовых предметов.

Менее очевидны тенденции расположения в могиле таких предметов вооружения и воинского снаряжения, как боевой топор, копье и доспех. Причиной, ограничивающей возможность выявления каких-либо тенденций в рассматриваемом компоненте ритуальной практики, является редкость обозначенных находок. При этом даже отдельные зафиксированные ситуации весьма показательны. Так, топор, обнаруженный в погребении, исследованном на могильнике Джолин-I на Алтае, по наблюдению автора раскопок был положен в подчеркнута церемониальной позе: с кистью правой руки на рукояти, боевой частью кверху, у правого плеча (Кубарев 1992: 32).

Завершая рассмотрение особенностей использования оружия в погребальном обряде раннесредневековых тюрков, отметим наличие некоторых тенденций в территориальном распространении отдельных групп предметов. Редкие изделия в

рамках рассматриваемой категории находок (меч, кинжал, копье, защитный доспех) обнаружены преимущественно на Алтае и гораздо более фрагментарно встречены в памятниках Тувы, Минусинской котловины и Монголии. Учитывая обоснованную ниже социальную значимость обозначенных предметов вооружения, не исключено, что данная закономерность связана с тем, что именно на Алтае фиксируется наиболее стабильное развитие общности раннесредневековых тюрок с ограниченной степенью зависимости от других объединений номадов второй половины I тыс. н.э.

Социальная значимость предметов вооружения

Корректное определение социальной значимости предметов вооружения в представлениях раннесредневековых тюрок Центральной Азии не может быть интуитивным или основываться только на рассмотрении частоты встречаемости находок в погребениях. Необходим учет комплекса показателей и привлечение дополнительных источников и материалов. Особое значение в этом плане имеет изучение каменных изваяний (Рис. 4), зачастую демонстрирующих облик представителей элитных слоев общества раннесредневековых номадов, а также наскальных рисунков (Рис. 5), на которых нередко изображены знатные воины. Кроме того, при определении социальной значимости предметов вооружения существенными являются следующие факторы:

- 1) материальная ценность предметов;
- 2) символическая значимость вещей;
- 3) закономерности распределения изделий в погребениях и особенности распространения конкретных находок;
- 4) общие тенденции развития кочевых обществ центрально-азиатского региона в раннем средневековье («престижная» экономика, роль военного дела, направления торговых связей и др.).

Известно, что предметы вооружения являлись одним из наиболее значимых атрибутов воина-кочевника. При этом среди них выделяются вещи, имевшие особый статус благодаря целому комплексу представлений, связанных с их использованием. В первую очередь, следует обратить внимание на социальную значимость клинкового оружия ближнего боя. Особый культурный статус сабли, меча и кинжала в эпоху средневековья подтверждают многочисленные свидетельства письменных источников среднеазиатского происхождения (Дмитриев 2001). Такие предметы являлись символом оружия и атрибутом власти военачальника у многих народов Евразии различных исторических периодов (Распопова 1980: 79; Ульянов 2007: 189–190; Измайлов 2008: 39; Кочкаров 2010: 157). Вполне характерными являются сведения о том, что меч был среди атрибутов, выделявших элиту общества Золотой Орды из состава остального населения (Селезнев 2009: 21). Обратим внимание на то, что кинжал в раннем средневековье рассматривался не только как предмет вооружения, но также как элемент костюма и отличительный знак ранга знатного воина (Распопова 1980: 79; Овчинникова 1990:

83). Дополнительным подтверждением этому является упоминание о кинжале как о пояском украшении тюрок, приведенное в китайских династийных хрониках (Лю Маоцай 2002: 19).

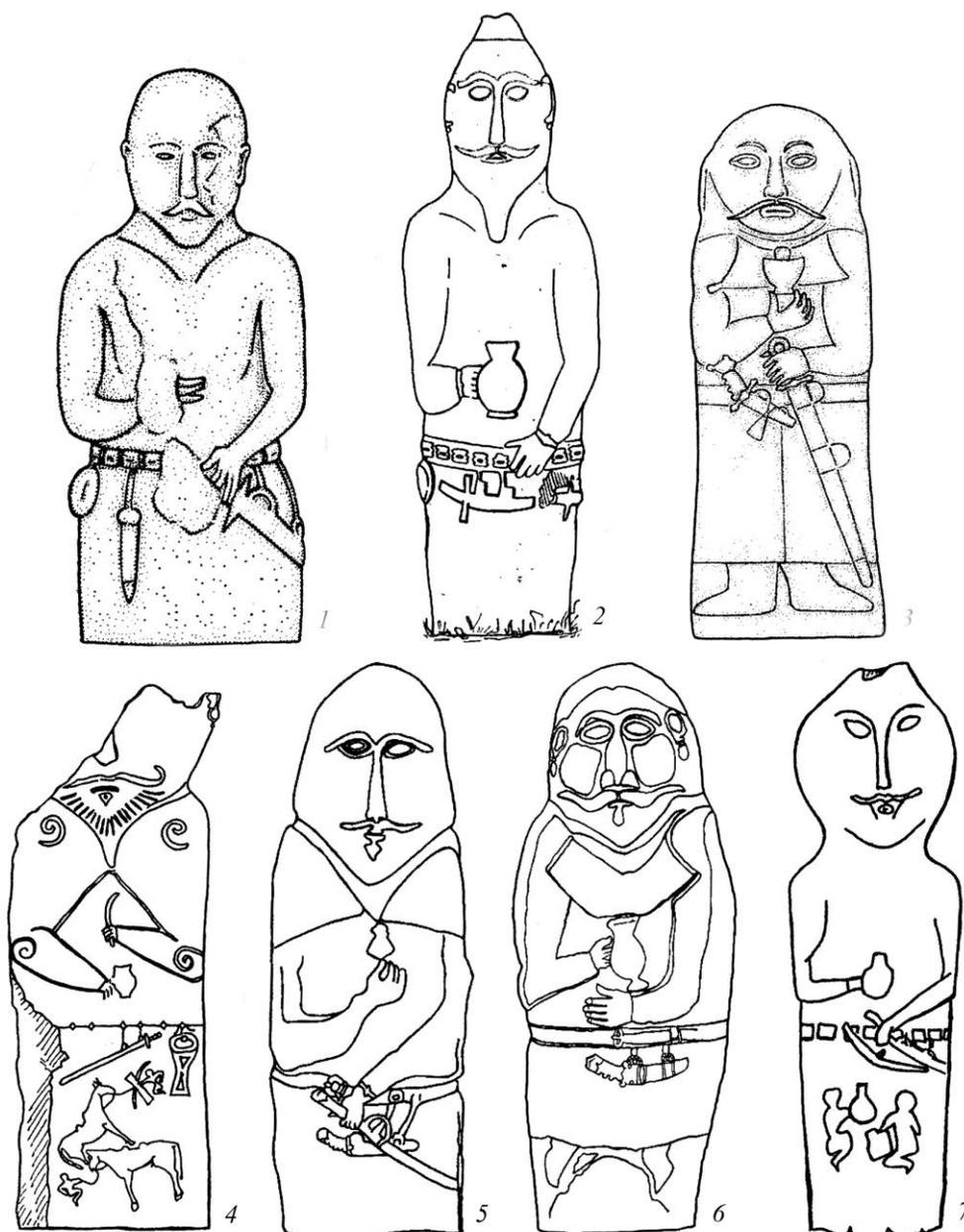

Рис. 4. Каменные изваяния раннесредневековых тюрок
(по: 1 – Худяков, Плотников 1990: рис. 2.-1; 2 – Евтюхова 1952: рис. 3.-2; 3 – Худяков, Комисаров 2002: рис. XXVIII.-1; 4, 7 – Кубарев 2002: рис. 16; 5, 6 – Кубарев 2008: рис. 1).

Особое символическое значение имел также боевой топор, рассматривавшийся, по всей видимости, как один из знаков власти военачальника (Распопова 1980: 76; Кубарев 1992: 32; Кубарев 2005: 99). К примеру, на одном из произведений пенджикентской живописи зафиксировано изображение царя без

ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ В ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСАХ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

доспеха, но с топором (Распопова 1980: 76). Редкие изображения знатных воинов с обозначенным предметом вооружения известны на петроглифах раннего средневековья, обнаруженных в различных районах центрально-азиатского региона (Кляшторный 2001: 214; Жолдошов 2005: 72) (Рис. 5.-6).

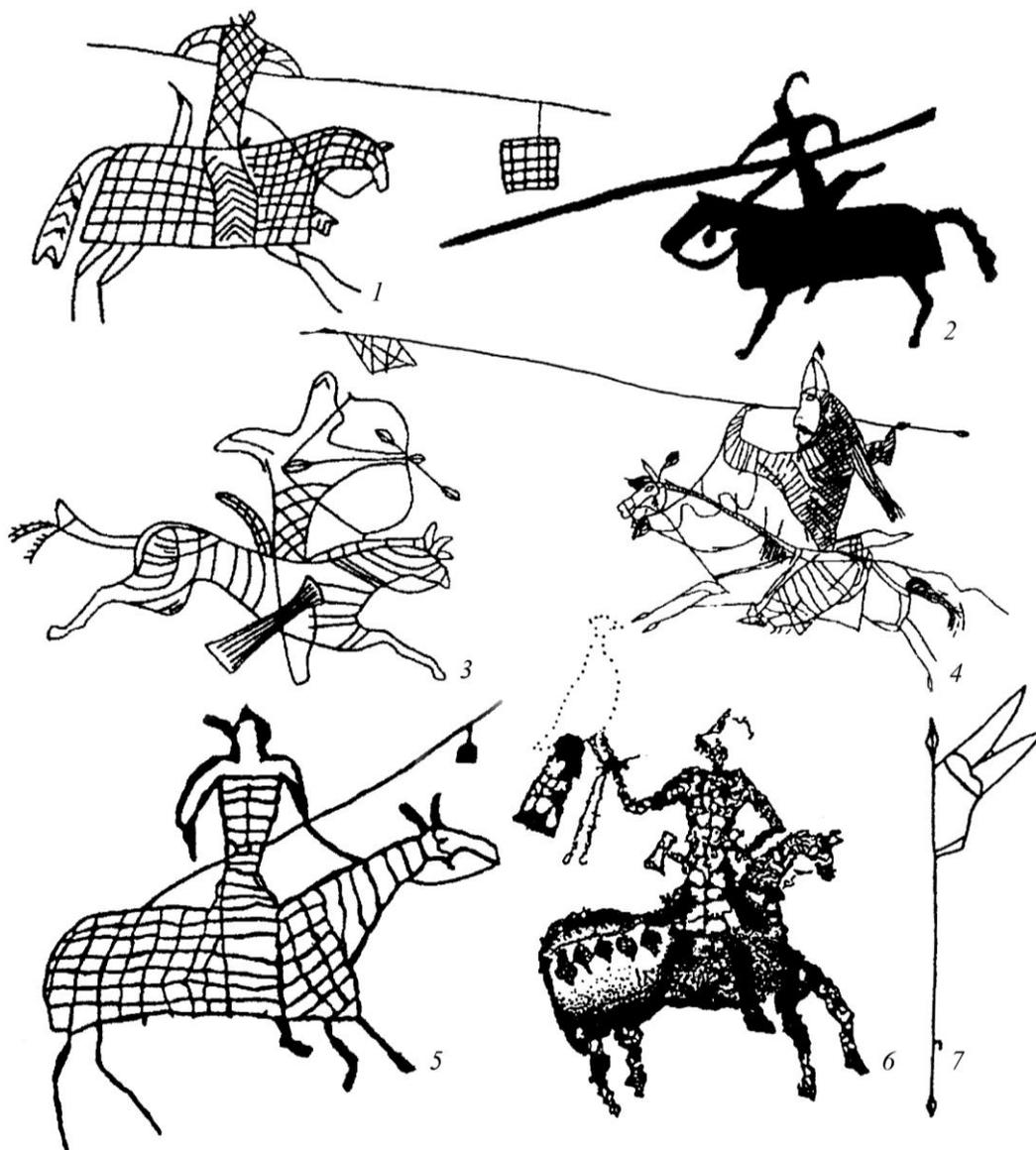

Рис. 5. Наскальные рисунки раннего средневековья
(по: 1–3, 5 – Горбунов 2006: рис. 73; 4 – Черемисин 2004: рис. 14; 6 – Кляшторный 2001: рис. 1; 7 – Кубарев 2008: рис. 1.-2).

Несомненно, ценным предметом воинского снаряжения являлся защитный доспех (Рис. 3.-1,2). Значимость данного элемента панοπлии в значительной степени определялась сложностью и трудоемкостью его изготовления. В том числе, поэтому тяжеловооруженная конница была элитным родом войска кочевников и формировалась из представителей наиболее знатных родов общества. Отметим, что

такая ситуация характерна не только для эпохи средневековья, но и для более раннего времени (Бобров, Худяков 2005: 95, 97; Худяков 2007: 119).

Судя по имеющимся сведениям, особый статус в обществе раннесредневековых номадов имело копьё. Такие изделия нередко фиксируются при исследовании наскальных изображений. При этом зачастую на копьях, находящихся в руках конных воинов, присутствуют дополнительные элементы – бунчуки и небольшие флажки (Советова, Мухарева 2005: 94) (Рис. 5.-1,4,5,7). Известно, что такие атрибуты являлись отличительным признаком знатных воинов, командующих подразделениями различного уровня (Окладников 1951: 151–153; Бобров, Худяков 2005: 116–117). Кроме того, имеется информация о том, что бунчуки, знамена или штандарты в раннем средневековье представляли собой символ властных полномочий и использовались для подтверждения статуса послов при ведении переговоров (Худяков 2011: 294–295).

Одним из эффективных подходов при социальной интерпретации вещей из памятников конкретных обществ является выделение из совокупности предметов сопроводительного инвентаря «комплекса власти», включающего показатели военно-управленческого могущества и политического статуса, и «комплекса богатства», объединяющего признаки высокого имущественного положения, материального достатка. Такой подход, опыт теоретического осмысления и практической реализации которого представлен в ряде исследований (Васютин 1998: 18; Кондрашов 2004: 105–107; Матренин, Тишкин 2005: 179), позволяет не только корректно обозначить значимость конкретных групп изделий, но также на последующих этапах работы способствует осуществлению объективной интерпретации как отдельных погребений, так и выделенных групп объектов.

Проведенный анализ памятников тюркской культуры с привлечением дополнительных источников позволяет утверждать, что «комплекс власти» в обществе раннесредневековых кочевников был представлен, главным образом, предметами вооружения (Серегин 2011). Оружие дистанционного боя (лук и стрелы) являлось весьма распространенным и не маркировало погребения знатных воинов. Показателем высокого статуса умершего было наличие в захоронении меча, кинжала и копья. Имеются все основания для того, чтобы предполагать высокую степень распространения обозначенных предметов в раннем средневековье. В письменных источниках нередки упоминания об использовании мечей, кинжалов и копий как стандартного для тюркских воинов оружия (Худяков 2007: 115–117). Мечи и кинжалы широко представлены на реалистичных каменных изваяниях, изображавших знатных кочевников (Рис. 4) (Евтюхова 1952: 110–113; Грач 1961: 63–64; Кубарев 1984: 39–42; Кубарев 2008: 69–70). Копья являются неременным атрибутом конных воинов на петроглифах раннего средневековья (Горбунов 1998; Черемисин 2004). При этом многие всадники облачены в защитный доспех (Рис. 5). На наш взгляд, обоснованным является предположение о том, что исключительность рассматриваемых предметов в погребениях тюркской культуры Саяно-Алтая обусловлена не ограниченностью их распространения и

использования, а тем, что они помещались только в могилы людей, имевших при жизни высокий статус.*

Несколько иначе обстоит ситуация с использованием в раннем средневековье боевого топора. Не исключено, что применение его тюрками в ходе военных действий было ограниченным, и данные предметы стали рассматриваться как некий символ власти. Особое значение топора косвенно подтверждается обнаружением рассматриваемых изделий в составе «кладов» (Кирюшин и др. 1995; Кочеев 1999).

Довольно специфичным является распространение в погребальных комплексах тюркской культуры Саяно-Алтая защитного доспеха. Прежде всего, обратим внимание на то, что такие изделия представлены, в большинстве случаев, сравнительно небольшими фрагментами, что может свидетельствовать об их ценности. Кроме того, части панциря встречены в «стандартном» погребении только однажды (Кубарев 2002; Кубарев, Кубарев 2003). В остальных случаях фрагменты защитного доспеха зафиксированы в кенотафах, каменных оградках и «ритуальных» курганах (Серегин 2008: 148). В данном случае, помимо социальной значимости рассматриваемых предметов, очевидна и другая их функция. В качестве предположения обратим внимание на возможность того, что фрагменты доспеха могли являться своего рода символической «заменой» отсутствовавшего человека в обозначенных погребально-поминальных комплексах.

Подчеркнем, что одним из факторов, позволяющих отнести обозначенные предметы вооружения к социально значимым элементам вещевого комплекса тюркской культуры Саяно-Алтая, является изучение тенденций в их распределении в погребениях. Помимо редкости рассматриваемых находок, существенным показателем в этом отношении можно считать то, что мечи, кинжалы, копья, боевые топоры и фрагменты доспеха в абсолютном большинстве случаев зафиксированы в могилах, при исследовании которых отмечено присутствие «богатого» сопроводительного инвентаря.

Интересные результаты получены в ходе моделирования социальной структуры населения раннесредневековых тюрков (Серегин 2011). Достаточно четко выделились несколько групп погребений, принадлежавших, судя по зафиксированным показателям, профессиональным воинам, командовавшим подразделениями различного уровня. Значительная часть элиты кочевников была связана с военным делом. Это подтверждается присутствием большого количества различных категорий оружия в «богатых» захоронениях тюркской культуры. Вместе с тем, анализ материалов раскопок погребальных комплексов показал, что

* Безусловно, нельзя в данном случае исключать и особенностей обрядовой практики кочевников. К примеру, по мнению С.А. Плетневой (1967, с. 157), рассмотревшей степень встречаемости сабель в погребениях кочевников южнорусских степей, редкость обнаружения таких предметов может объясняться традицией передачи клинкового оружия по наследству.

элита кочевников была представлена также населением, не связанным непосредственно с военным делом, но вместе с тем сосредотачивавшим в своих руках определенные управленческие функции. Данный тезис находит косвенное подтверждение и в результатах изучения каменных изваяний раннего средневековья. На значительной части таких памятников изображены знатные воины с клинковым оружием, демонстрирующим их статус. Однако выделяется достаточно многочисленная группа изваяний, на которых отсутствуют какие-либо предметы вооружения. По мнению некоторых исследователей, такие объекты создавались в честь представителей невоенной прослойки тюркского общества – чиновничества, людей, близких к правящей военной верхушке, но не занимающихся непосредственно военным делом (Шер 1966: 59; Худяков 1998: 47). Рассмотренные материалы демонстрируют сложность организации общества кочевников и специфику профессиональной дифференциации номадов раннего средневековья.

Заключение

Изучение особенностей распространения предметов вооружения в погребальных комплексах раннесредневековых тюрок показало, что такие находки являются отличительным показателем захоронений мужского населения. Зафиксированные традиции расположения рассматриваемых изделий в могиле, в большинстве случаев, определялись особенностями их ношения людьми при жизни. Распространение различных групп оружия в памятниках раннесредневековых тюрок Центральной Азии, помимо выявленного половозрастного фактора, было обусловлено социальной значимостью конкретных категорий предметов. Анализ результатов раскопок погребальных комплексов с привлечением дополнительных источников и материалов позволил обосновать особый статус клинкового оружия, боевого топора, копья и защитного доспеха в представлениях кочевников. Сделанные выводы были подтверждены и расширены в ходе моделирования структуры общества раннесредневековых тюрок, продемонстрировавшего сложность организации объединений номадов и существование в социуме кочевников нескольких элитных групп, одни из которых были связаны с военным делом, а другие сосредоточили определенные управленческие функции. Полученные результаты показали, что дальнейшее изучение комплекса представлений, связанных с использованием предметов вооружения, позволит не только более детально представить специфику мировоззрения номадов, но и будет способствовать расширению имеющихся представлений об организации общества раннесредневековых кочевников.

Благодарность

Работа выполнена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «Реконструкция социальной организации и системы жизнеобеспечения

кочевников Южной Сибири поздней древности и средневековья» (шифр 2010-1.2.1-300-028-022).

Литература

- Алексеев В.П.* 1960. Материалы к палеоантропологии Западной Тувы // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. I: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.; Л.: АН СССР, С. 284–312.
- Бобров Л.А., Худяков Ю.С.* 2005. Военное дело сяньбийских государств северного Китая в IV–VI вв. н.э. // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск: НГУ, С. 80–200.
- Богданова В.И.* 1980. Новые антропологические материалы конца I тыс. н.э. из Тувы // МАЭ. Т. 36. С. 100–107.
- Васютин С.А.* 1998. Социальная организация кочевников Евразии в отечественной археологии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 23 с.
- Васютин С.А.* 2006. Культ воина-героя («мужа-воина») и его религиозные мотивы в кочевых обществах древнетюркской эпохи // Сибирь на перекрестье мировых религий: Материалы Третьей межрегиональной конференции. Новосибирск: НГУ, С. 79–82.
- Гаврилова А.А.* 1965. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 146 с.
- Горбунов В.В.* 1998. Тяжеловооруженная конница древних тюрков (по материалам наскальных рисунков Горного Алтая) // Снаряжение верхового коня на Алтае в ранний железный век и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, С. 102–128.
- Горбунов В.В.* 2003. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 174 с.
- Горбунов В.В.* 2006. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 232 с.
- Горбунов В.В.* 2007. Военное искусство алтайских тюрков в раннем средневековье // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, С. 85–98.
- Грач А.Д.* 1961. Древнетюркские изваяния Тувы. М.: Изд-во вост. лит-ры, 94 с.
- Грач А.Д.* 1980. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 256 с.
- Дмитриев С.В.* 2001. К вопросу о культурном статусе холодного оружия в традиционной культуре народов Средней Азии // Евразия сквозь века. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, С. 234–237.
- Евтюхова Л.А.* 1952. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. М.: АН СССР, № 24. С. 72–120.
- Евтюхова Л.А., Киселев С.В.* 1941. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды ГИМ. Вып. 16. С. 75–117.
- Жолдошов Ч.М.* 2005. Изображение вооружения в средневековых петроглифах Кыргызстана // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Бишкек: «Илим», Вып. I. С. 67–74.
- Измайлов И.Л.* 2008. Защитники «Стены Искандера». Казань: Татар. кн. изд-во, 206 с.
- Кирюшин К.Ю., Кондрашов А.В., Семибратов В.П., Силантьева М.М., Терехина Т.А.* 2005. Исследование памятников древнетюркского времени на территории Бирюзовой Катунь в 2005 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. II. Ч. I. С. 339–343.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф.* 1995. Археология Нижнетыткескенской пещеры-I (Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 150 с.
- Кляшторный С.Г.* 2001. Всадники Кочкорской долины // Евразия сквозь века. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, С. 213–215.

- Комарова М.Н.* 1973. Тюркское погребение с конем в Аржане // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. XVI. С. 207–210.
- Кондрашов А.В.* 2004. Опыт выделения социодиагностирующих признаков инвентаря по материалам погребений сротскинской культуры // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, С. 103–107.
- Кочеев В.А.* 1999. «Клад» с верховьев реки Большой Яломан (Горный Алтай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, Вып. X. С. 175–177.
- Кочкаров У.Ю.* 2010. Кинжалы Северо-Западного Предкавказья VIII–X вв. // Российская археология. №1. С. 157–160.
- Кубарев В.Д.* 1984. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 230 с.
- Кубарев В.Д.* 1992. Палаш с согдийской надписью из древнетюркского погребения на Алтае // Северная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск: Наука, С. 25–36.
- Кубарев В.Д.* 2004. Древние стелы и изваяния в обрядах и суевериях народов Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. №1. С. 28–38.
- Кубарев Г.В.* 2002. Доспех древнетюркского воина из Балык-Соока // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, С. 88–112.
- Кубарев Г.В.* 2005. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 400 с.
- Кубарев Г.В.* 2008. Коленчатые кинжалы древнетюркской эпохи // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. Самара: Б.и., С. 68–72.
- Кубарев Г.В.* 2008. Копья с втоками у древних тюрок (по раннесредневековым петроглифам Алтая) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. М.: ИА РАН, Т. II. С. 236–239.
- Кубарев Г.В., Кубарев В.Д.* 2003. Погребение знатного тюрка из Балык-Соока (Центральный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. №4. С. 64–82.
- Лю Маоцай.* 2002. Сведения о древних тюрках в средневековых китайских источниках // Бюллетень Общества востоковедов. М.: Изд-во Ин-та востоковедения РАН, 126 с. Прил. 1.
- Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В.* 1997. Древнетюркские курганы могильника Катанда-III // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ. С. 115–129.
- Матренин С.С., Тишкин А.А.* 2005. Булан-кобинская культура Горного Алтая // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, С. 152–183.
- Могильников В.А.* 1997. Курган 85 Кара-Кобы-I и некоторые итоги изучения древнетюркских памятников Алтая в связи с исследованиями в Кара-Кобе // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск: ГАИГИ. С. 187–234.
- Нестеров С.П., Худяков Ю.С.* 1979. Погребение с конем могильника Тепсей-III // Сибирь в древности. Новосибирск: Наука, С. 88–92.
- Овчинникова Б.Б.* 1982. Погребение древнетюркского воина в Центральной Туве // Советская археология. №3. С. 210–218.
- Овчинникова Б.Б.* 1990. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 223 с.
- Окладников А.П.* 1951. Конь и знамя на Ленских писаницах // Тюркологический сборник. Вып. I. С. 143–154.
- Плетнева С.А.* 1967. От кочевий к городам: (Салтово-маяцкая культура). М.: Наука. 198 с.
- Поздняков Д.В.* 2006. Палеоантропология населения юга Западной Сибири эпохи средневековья (вторая половина I тыс. н.э. – первая половина II тыс. н.э.). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. 136 с.
- Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В.* 1999. Исследование средневекового могильника Белый Яр-II // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск: НГУ, 1999. Вып. 2. С. 88–116.

- Распопова В.И.* 1980. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.: Наука, 139 с.
- Селезнев Ю.В.* 2009. Элита Золотой Орды. Казань: «Фэн» АН РН, 232 с.
- Серезин Н.Н.* 2008. Традиция сооружения кенотафов кочевниками тюркской культуры // Археология степной Евразии. Кемерово: Изд-во КузГТУ, С. 144–153.
- Серезин Н.Н.* 2011. Моделирование социальной структуры населения тюркской культуры Саяно-Алтая (2-я пол. V – XI вв.) // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень: Изд-во ИПОС РАН, Вып. 4. С. 228–231.
- Серезин Н.Н.* 2011. Опыт выделения социально значимых элементов погребального обряда населения тюркской культуры Саяно-Алтая // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. №4/2 (72/1). С. 180–185.
- Советова О.С., Мухарева А.Н.* 2005. Об использовании знамен в военном деле средневековых кочевников (по изобразительным источникам) // Археология Южной Сибири. Кемерово: Кузбассвуиздат, Вып. 23. С. 92–105.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В.* 2003. Раннетюркское погребение на могильнике Яконур (по материалам раскопок М.П. Грязнова) // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ. № 10. С. 107–117.
- Ульянов И.В.* 2007. Культ меча ранних кочевников Южного Урала // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. Иркутск; Эдмонтон: Изд-во ИрГТУ. С. 188–191.
- Худяков Ю.С.* 1986. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука. 268 с.
- Худяков Ю.С.* 1997. Оружие как показатель социального статуса в кочевых обществах Южной Сибири и Центральной Азии // Социальная организация и социогенез первобытных обществ: теория, методология, интерпретация. Кемерово: Кузбассвуиздат. С. 62–64.
- Худяков Ю.С.* 1998. Искусство средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 120 с.
- Худяков Ю.С.* 2004. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН. 152 с.
- Худяков Ю.С.* 2007. Золотая волчья голова на боевых знаменах: Оружие и войны древних тюрков в степях Евразии. СПб.: Петербургское Востоковедение. 192 с.
- Худяков Ю.С.* 2011. Символы и атрибуты государственности у енисейских кыргызов в эпоху раннего средневековья // Этническая история и культура тюркских народов Евразии. Омск: Издатель-Полиграфист. С. 294–299.
- Худяков Ю.С., Комиссаров С.А.* 2002. Кочевая цивилизация Восточного Туркестана. Новосибирск: НГУ. 156 с.
- Худяков Ю.С., Кочеев В.А., Моносов В.М.* 1996. Балтарганские находки // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, №3. С. 46–53.
- Худяков Ю.С., Плотников Ю.А.* 1990. Древнетюркские каменные изваяния в южной части Убсунурской котловины // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. Новосибирск: Наука, С. 111–125.
- Цэвэндорж Д., Кубарев В.Д., Лхундэв Г., Кубарев Г.В., Баярхуу Н.* 2008. Результаты раскопок памятников тюркского периода, проведенных в местности Хар-Ямаат // Археологийн судлал. Т. XXVI. Т. 262–273.
- Черемисин Д.В.* 2004. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая // Археология, этнография, антропология Евразии. №1(17). С. 40–51.
- Шер Я.А.* 1966. Каменные изваяния Семиречья. М.: Изд-во АН СССР. 139 с.